

НА ЧТО НАДЕЯТЬСЯ ДЕМОКРАТАМ?

Честность может оказаться единственным шансом уцелеть

Цикл нашего политического развития сейчас вырисовывается достаточно ясно. Это еще одна модификация обычного революционного цикла, идущего от старого, внешне монолитного, но прогнившего насквозь режима, когда-то — жестокого, но в конце ставшего «от старости» как бы и либеральным, через период все большей демократизации к диктатуре, в которой, при внешне радикальной перемене всех идеологических знаков на противоположные, фактически восстанавливается в новой (всегда неполной, но зато часто более

«энергичной» форме старое содержание). Так развивались и французская революция (от Людовика к Робеспьеру, а затем — Наполеону), и первая русская (от самодержавия к Ленину и затем Сталину), и множество других революций. Так развиваемся и мы — от «старого режима» Брежнева к эйфории ранней перестройки, к первому съезду народных депутатов СССР, удивительно напоминающему своим ограниченным, «сословным» представительством Генеральные Штаты или Государственную думу, затем — к уже чисто демократическим выборам в республиканские органы власти, к которым в ходе развития революции все более и переходит реальная власть, и, наконец, после августовских событий — к практическому исчезновению власти «старого режима» и начавшемуся наступлению на демократические институты уже «с другой стороны». Народ, в котором раздражение против старых порядков и старой идеологии все же заметно превалирует над приверженностью демократии, уже «выпустил пар», сбросил памятники и сейчас явно хочет новой «сильной власти», которая наведет порядок, положив конец «парламентской говорильне». Поэтому идущие и намечающиеся сейчас битвы законодательной власти с исполнительной — это битвы арьергардные. Голодавшие депутаты Моссовета не смогли созвать на митинг столько людей, сколько собрали «поповцы», и раздираемому борьбой фракций российскому парламенту явно не тягаться с «харизматической» личностью «народного президента», в котором националистические депутаты из бабуринской группы «Россия», похоже, также начинают видеть «своего» — как многие «белые», прозревая, начинали понимать, что большевики и есть воссоздатели царства и собиратели земли русской. Тенденция к тому, что Россия (и уже не как основа великой державы — СССР, а как страна, которой суждено занять в мире место где-то рядом с Бразилией) вернется (во всяком случае на какое-то время) к привычным для нее авторитарным методам управления, с каждым днем все очевиднее.

На что же надеяться и что делать в этих условиях, когда время, очевидно, начинает работать против демократии, демократам? Не «так называемым демократам», для которых лозунги демократии — лишь прикрытие стремления «грабить награбленное», или тем, кто, искренне крича: «Да здравствует демократия!», так же мало понимает, что это такое, как искренне выкрикивавший тот же самый лозунг питерский рабочий в 1917 г., а настоящим демократам, которые явно остаются в меньшинстве.

Во-первых, на то, что хотя их поражение в ближайшей исторической перспективе весьма вероятно, в конечном счете демократия наверняка победит. Демократии не побеждают в революции и контрреволюции. И Робеспьер, и Наполеон, и Реставрация, и все последующие революции и контрреволюции во Франции — это вехи и этапы процесса, в конечном счете приведшего к стабильной, зрелой и прочной современной демократии. И как ни своеобразен исторический путь России, к демократии, очевидно, придем и мы. Но мы отлично понимаем, что, хотя надежда на конечную победу демократии и может придать силы и исторический оптимизм, все же утешение, что при демократии будут жить наши внуки, весьма сомнительное.

Во-вторых, это надежда на то, что мы все же значительно ближе к демократии, чем в 1917 г., — и иной социальный состав и образовательный уровень населения, и иная ситуация в мире в целом. И можно надеяться, что новый авторитарный «спазм» будет короче и мягче, чем «ленин-ско-сталинский». Однако он, несомненно, будет циничнее, «грязнее» и в своем эклектическом сочетании старой, царистской символики с советской символикой и реальностью (бывший член политбюро — «великий князь») — пошлее. Но даже надежда на относительную мягкость нового авторитаризма может не оправдаться. Мы знаем, что уже весьма развитому германскому обществу пришлось пережить кошмар гитлеризма, а те ужасы, которые нас подстерегают в связи с развалом Союза и перспективой межреспубликанских войн и «переселения народов», могут породить массовое безумие, вполне сопоставимое с безумием униженных и измученных последствиями поражения в первой мировой войне немцев.

Но есть третья и самая главная надежда. Это — надежда на роль «субъективного фактора» и многовариантность и непредсказуемость истории. Тенденция к возрождению авторитаризма — всего лишь тенденция. Очень многое зависит от нас самих, от нашего ума и наших усилий. Главная надежда — на нас самих. И здесь мы естественно переходим к другому вопросу — что делать?

Основная сила, влекущая революцию от старого к новому авторитаризму, — это сила инерции. Демократы (мы здесь говорим даже не о «так называемых», а о настоящих) постепенно подменяют борьбу за свои принципы борьбой против старых, «конкретно-исторических», форм антидемократизма и не замечают, продолжая добивать уже поверженного врага, как за спиной у них вырастает новый и более опасный. Французские демократы бесконечно искали «заговоры аристократов» и пошли на казнь короля — только для того, чтобы быть казненными Робеспьером. Многие искренние русские демократы до октября 1917 г. и даже позже были глубоко убеждены, что главная опасность для российской демократии исходит от явных и тайных приверженцев монархии, и кончили жизнь от пули чекистов или в эмиграции. В историю как бы вставлен механизм наказания за моральные проступки, и новый авторитаризм — это всегда расплата революции за ее грехи и ее ослепление.

И для нас грядущий авторитаризм будет наказанием — за то, что у нас борьба за принципы демократии подменилась борьбой против союзного центра и компартии, за то, что мы были готовы выбрать в депутаты любого проходимца, если только он объявлял себя демократом и антикоммунистом, за то, что мы издевались над Горбачёвым — человеком, больше чем кто-либо сделавшим для русской демократии (наслаждаясь собственной псевдомужественностью и зная в глубине души, что это — совершение безопасно, ибо и человек он не мстительный, и власть от него уходит), за то, что мы воспользовались провалом путча для того, чтобы окончательно развалить Союз, совершенно не думая о по-

следствиях, в том числе и последствиях для только зарождающейся русской демократии, и за многое другое.

Что же делать? Преодолеть нашу инерцию, восстановить верность самим принципам демократии, что может в данный момент означать радикальную переориентацию «фронта». Мы должны быть за свободу партий, а не за свободу тех партий, которые нам нравятся. А это значит, что если еще вчера мы боролись за отмену 6-й статьи, сейчас у нас по меньшей мере должна «вызывать озабоченность» судьба компартии. Мы должны выступать за законность и право для всех. Поэтому если вчера мы могли стоять в цепях у Белого дома, ожидая атаки «гэкачепистов», сегодня мы должны требовать открытого, гласного и честного суда над ними (есть очень большие сомнения, что наши новые правители на такой суд пойдут). Мы должны быть за права всех наций, а не тех, которые нам нравятся или поддерживать которые нам выгодно: за права татар, гагаузов и абхазов не меньше, чем за права эстонцев. И если мы — за равноправие русских меньшинств, то мы не должны делать их пешками в дешевой политической игре, то грозя их поддержкой Украине и Казахстану, то полностью о них забывая.

И нам сейчас надо меньше всего думать о том, кто нас поддержит, какую выгоду принесёт такая позиция. Ибо как цинизм революций часто приводил революционеров к гибели, так «донкихотство» часто приводило к неожиданным победам. Надо следовать своим принципам, своей совести, и тогда могут появиться неожиданные союзники, сильные враги оказаться слабыми, и опасности — рассеяться. Наша честность может оказаться нашим единственным шансом уцелеть.

Ибо если сейчас, когда Г. Х. Попов «добивает» Моссовет, когда четко вырисовывается перспектива войн между возглавляемыми разного рода диктаторами союзными республиками, демократы будут продолжать видеть главную опасность в интригах коммунистов и союзного центра, — они не заслуживают лучшей участи, чем демократы 1917 года.